

ПРИГОВОРЕННЫЕ К ПРИРОДЕ

Все больше и больше родителей посылают своих неуправляемых подростков на урочище дикой природой. Хотя существует шанс, что они вернуться еще более дикими, чем прежде.

Вот такой необычной теме была посвящена статья в газете “New Yorker”, номер которой случайно попал мне в руки во время недолгого пребывания в Штатах. Статья чрезвычайно меня заинтересовала. У меня есть опыт путешествия на катамаране с одним парнем, наркоманом, и его отцом, моим другом. Отец специально взял его с собой в целях реабилитации. Маршрут был не прост: по так называемой “категорийной” реке. Кто знает, что это такое, поймет, что забот хватало. Но главным препятствием в путешествии были не речные пороги, а этот парень. Чувства, которые он вызывал у окружающих, были весьма далеки от благостных. Но оказывается, в Америке существуют люди, работающие именно с такими ребятами и с такого рода проблемами, причем работающие, судя по всему, успешно. К сожалению, мне не удалось побывать в центре “Red Cliff”, который на время становится пристанищем для подростков-наркоманов, и посмотреть, как устроена работа, хотя я пытался (в Америке, как известно, не все имеют право на работу, тем более квалифицированную, тем более с несовершеннолетними). Но кое-что в их работе, по прошествии времени и неоднократно обсуждения с коллегами, стало ясно.

Главное в стратегии, которая принята в Центре “RC”, – почти полное отсутствие так называемой “вторичной выгоды” (реальных или предполагаемых преимуществ, обретаемых пациентом благодаря симптому или болезни). Этот феномен нередко присутствует в психотерапевтической работе, в том числе и в групповой, являясь мощным тормозом группового процесса (см., например, И.Ялом, “Групповая психотерапия”). Вместо того чтобы работать на цели выздоровления, человек бессознательно использует свою болезнь для удовлетворения тех или иных собственных потребностей. Природой же, тем более дикой, манипулировать трудно, как будет сказано ниже, и ничего не остается делать, как брать на самого себя ответственность за свою жизнь. В.Цапкин, помогавший перевести этот непростой текст, рассказал о том, как во время войны врачи одной из психиатрических больниц вынужденно оставили на произвол судьбы пациентов. Так вот, никто не погиб, больные оказались в состоянии позаботиться о себе: установили дежурства, обеспечили уход за тяжелыми больными, нашли источник питания и т.д. Но как только врачи вернулись на освобожденную войсками территорию, где располагалась больница, и к своим рабочим местам, все вернулось на круги своя: “контингент” вновь превратился в беспомощных, ждущих ухода пациентов.

Конечно, не все так просто: вывоз человека в пустыню и все – лечись, а то... Ред Клиф – не концлагерь. Врачи и психологи проводят с их подопечными интенсивную психотерапевтическую работу, хорошо структурированную по целям и стадиям. Одним из основных элементов в ней служит символизация опыта. На фоне почти полного отсутствия собственной исторической культуры для американцев характерна романтизация культуры индейской, обладающей в их глазах витальной силой. Все эти “Койоты” и “Гризли” (названия отрядов, часто встречающиеся в тексте) – не что

иное, как символические якоря, обозначающие стадии развития, в которых находятся группы подростков. Кроме того, как известно, процесс индивидуации по Юнгу – “путешествие героя” (см. “Нарцисс и Гольмунд” Г.Гессе), что также принято здесь как руководство к действию. Неясно одно: почему у нас не существует ничего подобного?

Представленную технологию, на мой взгляд, следует отличать от работы различного рода коммун а-la А.С.Макаренко. При всем внешнем сходстве (трудотерапия и пр.) остается отличие, которое, на мой взгляд, является главным. Отсутствие романтического флера и присутствие возможности “пересидеть” делают эти заведения малоэффективными.

Немного о самом тексте. Не следует ждать гладкого литературного перевода. Текст сложен даже для некоторых американцев. Не все из них читают “New Yorker” просто потому, что не могут понять, что там написано. Поскольку перевод – почти подстрочник, особенности американского менталитета выступают в неадаптированном виде: фразы типа “идет дождь и время” довольно-таки часты. Они позволяют почувствовать атмосферу этого несколько странного мира, который населяют не совсем обычные его обитатели.

Е.Гросман

ПРИГОВОРЕННЫЕ К ПРИРОДЕ*

Ч.СИБЕРГ

Все утро мы лезли с полной выкладкой вверх и вниз по суровым холмам пустыни Эскаланте, что на юго-западе Юты. Была середина мая и, поскольку дневная температура уже достигала 90(К), можно было лишь неторопливо размышлять о том – о сем, в то время как ноги автоматически продолжали отмерять маршрут. Цепочка голов в поношенных панамах маячила впереди, яркий красный цветок случайного весеннего кактуса только подчеркивал аскетичность окружающей растительности: можжевельник, шалфей, тамариск, сосна.

“Как тебя сюда занесло?” – спросил я Пэта, идущего впереди 17-летнего парня. Его хаки с ручкой в правом рукаве прекрасно гармонировало с цветом земли и тонким слоем пыли, покрывшей кожу рук и лица. Шел уже шестнадцатый день в Эскаланте. “Мне просто стало наплевать”, – ответил он, нервно стирая грязь с татуировки на предплечье. “Я много колосся, красил волосы в голубой цвет, дрался с братом. Проколол ему шины. Пару раз он пытался убить меня”. “Кто привел тебя сюда?” “Ну, – начал он с

---

* Charles Sieberg, “New Yorker”, December, 1999.

несколько подчеркнутым равнодушием, – когда однажды я вломился в спальню, пришел отец и сказал: “Поднимайся. Ты, я и мама едем покупать машину”. Я ни о чем не думал. Просто упал в машину и все. Когда проснулся часа в три ночи, меня осенило: “Кто занимается покупками в такое-то время?” Попытался смыться, но двери и окна оказались заблокированными. Следующая вещь, которую я помню, это то, что мы очутились неизвестно где. Отец велел мне пойти и взять документы на машину. Когда я вышел, он смылся. Здорово, да?”

Пэт и другие мои компаньоны-путешественники были членами группы “Гризли”, участниками терапевтической программы центра Ред Клиф (полное название: *Red Cliff Ascent Outdoor Therapy Program*. – Е.Г.) для отбившихся от рук подростков. Основу программы составляет суровый тренинг выживания и саморазвития, проводившийся в диких местах Эскаланте. Продолжительностью минимум два месяца, день за днем, – лазание, установка лагеря, собирание воды из ближайших луж, разведение костра без всяких спичек, при помощи только палок и камней. Группа RC состоит обычно из пяти-восьми молодых людей от 13 до 18 лет обоего пола. Каждой группе, как правило, присваивается та или иная “животная” кличка (например, “Гризли”, “Рыси”, “Койоты”). Некоторые из групп целиком состоят из осужденных несовершеннолетних, представляющих в большинстве своем низовые классы и “приговоренных” к программе RC за относительно небольшие проступки: мелкое воровство, хулиганство, наркотики. Остальные группы располагаются отдельно. Есть также группа “частных учащихся”, в которую входят дети богатых родителей, готовых платить 265 долларов в день (такова стоимость программы). Это – подростки, которые стали настолько неуправляемы, что у родителей не осталось иного выхода, как попытки усмирить их “неподкупной дикой природой” (*pure rebuke of the wild* – природа, не знающая сантиментов, или не дающая спуска. – Е.Г.)

Терапия дикой природой (*Wilderness Therapy* – еще один термин, с трудом перекладывающийся на русский) стала весьма популярным терапевтическим подходом к работе с неуправляемыми подростками. На этой основе построено свыше 1000 национальных программ! Однако рост этой индустрии не был плавным и бесконфликтным. В конце 80-х – начале 90-х годов, когда правительственный контроль над такими центрами, как Ред Клиф, еще не был установлен, трое учащихся, включенных в программу, умерли, не выдержав чрезмерных нагрузок и экстремальных условий, в которых они находились. Но, несмотря на столь трагические инциденты и продолжающиеся дебаты о том, не является ли эта форма “крутой любви” на самом деле слишком жесткой, программы *wilderness*-терапии продолжают процветать. Репертуар, предлагаемый ими, в большой степени повторяет многочисленные древние ритуалы, где битвы за выживание соче-

таются с инициацией перехода от детства к взрослости (*to survive adolescence* – пережить юность. – *Е.Г.*). В контексте современной цивилизации эти феномены по своему духу в каком-то смысле – типично американские. Только в стране, в изобилии обладающей дикой природой, и где, к тому же, девственная природа сочетается с социальной аномией, первое может служить противовесом от второго. Консультанты по образованию и суды по делам несовершеннолетних теперь регулярно обращаются к программам типа *RC*. Получивший теперь признание, этот новый способ реабилитации стал чем-то вроде “частного эскорта”. Профессиональные похитители, нанятые родителями, приезжают среди ночи и увозят их детей туда, где, как предполагается, произойдет критический перелом при воздействии “чуждости” дикой природы (*life otherness*). Конечно, остается риск, что такого рода меры могут только еще более ухудшить дело. Дикая природа сама по себе – всего лишь некультуренная классная комната, и вместо того, чтобы усмирить подростка, она может сделать его еще более неуправляемым. Неистовые вспышки гнева и попытки панического бегства – нередкий случай при проведении *WT* (*Wilderness-Therapy*). В 1999г. внимание национальных медиа привлек случай, когда восемь участников программы напали на своих инструкторов и исчезли в пустыне. Этот инцидент повлек за собой организацию четырехдневной спасательной операции, которая протекала в условиях сильного снегопада при температуре, близкой к 0. Именно вслед за данным случаем я и решил направиться в Юту, чтобы своими глазами увидеть, как тотальная неудовлетворенность современных тинэйджеров может быть утолена в песках вечной пустыни.

Полевой “офис” *RC* представлял собой пару двухсекционных сборных зданий, кремового цвета, стоящих вдоль 56-го хайвэя в середине заросшей полынью деревни. Не считая дорожного указателя, единственный знак того, что вы еще не на месте, – лаконичная записка на близлежащем к дороге здании: “Родители”. Выше – стрелка, указывающая на каменистый подъем к обитым алюминием дверям. Внутри – приемная, украшенная американскими национальными предметами искусства. Классная доска в дальнем углу предназначена для семинаров с родителями, которые проводят инструктора и психологи. Слева от доски – небольшая кучка сухих деревянных 3-4-футовых палок, которые студенты используют в походе для добывания огня, а временами – для борьбы со своими инструкторами. Сотрудники *RC* хранят их в качестве своеобразных экспонатов. “Эти использовались при нападении прошлым декабрем”, – указывая на палки, поделился со мной полевой директор *RC* Скотт Шилли, когда однажды утром знакомил меня с офисом. Был весьма суетный момент: середина недели, свежий инструкторский состав менял своих коллег в поле. “Один парень подвалил ко мне с этим”, – продолжал Шилл, растягивая с южным теннессийским акцентом

слова и держа в руке полированный сук. “Он ударил меня, но мне удалось его уложить. Когда местный шериф забрал парня, судья сказал ему: “Ты вернешься и закончишь программу”. Надо сказать, в конце концов, он стал моим лучшим учеником”.

За приемной следовала маленькая кухня и гостиная, затем узкий проход на противоположную сторону офиса и затем – офис обеспечения. В нем – главный распределительный щит и приемник, с помощью которого осуществляется слежение за группами: часто 8-9 групп бродят по пространству в 500 квадратных миль абсолютной пустыни. На стене выше приемника – нечто, напоминающее расписание. На нем – консультативные мероприятия на неделю, имена участников каждой группы и, против фамилий – разноцветные символы, показывающие физическое и психологическое состояние ребят. Код, предназначенный для демонстрации эффекта воздействия программы, одинаков как для осужденных, так и для “частных” клиентов. Красная точка после имени, например, показывает, что студент еще должен пройти штатную физическую и психологическую подготовку, прежде чем быть допущенным к прохождению центральной части программы. Желтая – участник в “предварительной фазе” (обязательные 72 часа акклиматизации, в течение которых подросток привыкает к разреженному воздуху и совершает только короткие выходы). Коричневая точка – знак тревоги, означающий, например, “сиделку” (*sitter* – живая натура – Е.Г.), то есть подростка, уклоняющегося от походов, оказывающего сопротивление сотрудничеству и задаче самопродвижения. Маленькая петля обозначает суицидальный риск; черная точка – один из синонимов петли.

Однажды, когда я находился в комнате обеспечения, вошла новоприбывшая – 15-летняя Лорена. Как и у многих участников программы РС, родители Лорены разведены. Она живет с матерью, которая выбрала для нее РС как замену психиатрической палаты – единственная альтернатива, предложенная судьей после серии правонарушений дочери: прогулов, воровства, выпивок и употребления наркотиков. Мать уехала только час назад, но Лорена уже лишилась всех атрибутов своей прошлой жизни. По прибытии в РС дети помещаются в изолятор, где их раздевают и обыскивают на предмет оружия и наркотиков. Их одежда, украшения и прочие аксессуары хранятся отдельно. Кое-что используется “для носов” служебных собак – на всякий случай. Затем выдаются стандартные хаки, цветной платок и горные ботинки. Новоприбывшие получают куртку, шерстяное одеяло, 20 футов парашютной стропы, 12-футовый ремешок. Из этих вещей они должны научиться делать рюкзак для хранения спального мешка. Их также снабжают подстилками, бутылкой с водой, водоочистителем, эмалированной посудой и недельным запасом еды: рис, чечевица, изюм, хлопья. Они получают литературу по технике выживания и правила, от про-

стных (№ 7: “Никаких интимных отношений”) до абстрактных (№ 13: “Никаких вопросов, касающихся будущего”).

Лорена, девушка 5 футов 4 дюймов ростом с соломенными волосами, заколотыми позади, и несколькими прядями, обрамлявшими ее покрасневшее лицо, стояла в проходе офиса с глазами, полными слез, наблюдая, как заканчивалась работа с ее документами. Она выглядела, как военнопленная, в своих плохо подогнанных хаки, болтающихся вокруг незашнурованных ботинок. На бедре своих брюк она уже написала: “Я люблю маму”. Я посмотрел на доску над ней. Она была приписана к отряду Гризли, и около ее имени стояли красная и желтая точки, а также петля. Однако в целом сепарация от родителей в данном случае проходила достаточно безболезненно.

Шилл рассказывал о другой девушке, прибывшей вместе с родителями, братом и сестрой. Ей сказали, что родители собираются в Диснейленд, но просто отец хочет сделать крюк по своим делам. “Родители планировали поговорить со мной здесь, в офисе, – говорил Шилл. – Дочь тем временем стояла в холле с наушниками и красноречивым выражением на лице, однозначно говорящим: “Когда же мы, черт возьми, уберемся отсюда?”. Затем она увидела картинки на стене, рассказывающие о программе, и внезапно воскликнула: “Это одно из тех мест, куда ссылают детей!”. Когда она подняла глаза, все члены ее семьи попятнулись к двери... После их отъезда она рыдала в течение нескольких часов”.

Полтора часа езды от полевого офиса... Мой путь – к точке, где располагается отряд Гризли. Безжизненное пространство гористой пустыни, отмеченное только случайными колеями, окаймленное на Юго-востоке Тихоокеанской трассой, соединяющей Милфорд с далеким железорудным центром Ланд. Новичков привозят сюда с завязанными глазами. С одной стороны, для терапевтических целей и большего эффекта – величавое пустынное пространство не может не потрясать при встрече с ним; с другой – подобная мера не позволяет ребятам запомнить какие-либо признаки, с помощью которых можно было бы добраться до цивилизации. “Помню, я готовился к побегу всю дорогу”, – рассказывал мне 16-летний Михаэль, гордо взирая на только что разведенный им при помощи тетивы, камня и “огненных палочек” костер. Отец Михаэля, маркетинг-менеджер, нанял эскорт-сервис для того, чтобы они среди ночи забрали сына. Гибкий, красивый парень с ясными глазами, обрамленными длинными ресницами, утверждал, что теперь он признает правоту отца, хотя прежде даже не мог предположить, что тот решится на такой поступок. “Я был довольно-таки крут насчет наркотиков и выпивки, – говорил он. – И я действительно не понимал, на что соглашался. Думал, это что-то вроде Внешней Границы (по-видимому, термин из лексикона переселенцев. – *Е.Г.*). Потом в моей

комнате появилась эта странная персона, держащая в руке чемодан с одеждой, собранной отцом. И... меня привезли сюда. Когда меня обыскали и посадили в грузовик, я понял, что нет, это не Внешняя граница. Всю дорогу я старался прикинуть, как далеко мы уехали, и старался определить какие-нибудь звуки. Но чем дольше это тянулось, тем больше я сдавался”.

Масса народу пыталась сбежать из *РС* за последние годы – обычная первоначальная реакция на внезапные и необычно жесткие ограничения. Большинство ребят на протяжении первой недели испытывают побуждение бежать. Беглецов отлавливают и возвращают назад менее чем за 24 часа. “Все полны ненависти первые четыре-пять дней, – вспоминал Пэт, – затем со временем удается успокоиться”. Персонал называет это состояние “приземлением”, точкой, достигнув которую, подросток перестает сопротивляться и включается в программу. Учебный план в *РС* похож на бойскаутское руководство по выживанию. Чтобы перейти на следующую ступень, участник программы должен освоить ряд все более усложняющихся навыков выживания. Кроме того, ребята должны пройти через процесс продолжительной рефлексии, автобиографическое самописание и недельные терапевтические сессии, где их учат управлять собой и своими эмоциями. “Это едва ли по-настоящему научно”, – однажды прокомментировал Стив Петерсен, один из основателей программы, когда мы сидели в офисе Ред Клиф после обеда. Уроженец Вайоминга, с массивными подвижными руками, Петерсен – бывший консультант по терапевтической работе с детьми. Идея начать программу Ред Клиф возникла у него после того, как он решил забрать восьмерых детей из приюта в ранчо Вайоминга, где когда-то воспитывался сам, и где, как показал этот эксперимент, установки и мировоззрение ребят меняются в такой степени, о какой не могла бы помыслить ни одна интенсивная терапия. “В основном, наш опыт учит детей ответственности, – продолжал он. – Ребята знают, как манипулировать властями. Но попробуй манипулировать природой!”

Некоторые подростки, однако, находят способы игнорировать существующий в *РС* порядок. Они не оказывают яростного сопротивления и не пытаются бежать, а просто застревают в “стойле”, другими словами, упорно отказываются вписываться в программу. Лаура, 16-летний член группы Гризли, – типичный образец такого сопротивления. У группового костра она бесстрастно диктовала мне детали своего криминального прошлого: “Из неблагополучной семьи. Отец – врач. Родители боролись за право опеки надо мной. Была выкинута из всех на свете средних школ. Пыталась одну из них поджечь. Одного заставила пролететь лестничный пролет. Кололась. Много. Думаю, получила слишком много свободы”. В определенном отношении ей удалось развязать те путы, которые удерживали ее. Как можно думать, об этом свидетельствовал пучок красных волос на ее затылке.

Процесс ее вживания в программу не был резким потрясением, а, точнее, медленным раскачиванием. “Когда я попала сюда впервые, – рассказывала она о своих первых днях, – я не делала ничего. Я “сидела” во время походов. Однажды “облегчилась” в ботинки и рюкзак только для того, чтобы насолить инструктору”. Теперь, однако, после 120 дней в пустыне, она “про-рвалась”. Лаура и другие, кого я встретил в *РС*, казалось, нашли наконец-то дом в своей бездомности. Эти *infants savages* (*дети дикой природы* – фр. – *Е.Г.*), несмотря на все лишения дикой жизни, обрели долгожданное утешение в групповых ритуалах и предсказуемой системе жизни, которую обеспечивает *РС*. Иначе говоря, теперь они не хотели бы менять эту полную трудностей новую жизнь на благополучие и уют своего прежнего существования.

“Не надо забывать, что это – дети, – сказал мне доктор Дан Сандерсон, клинический директор *РС*. – Кто встретился бы им на пути к тяжелому личностному расстройству и многолетнему амбулаторному лечению, если бы мы не пришли им на помощь? Они все еще бродят вокруг с пуповиной в руках, ожидая, куда бы ее присоединить. Постепенно мы приучаем их действительно участвовать в своей собственной жизни. И со временем им начинают нравиться изменения, которые с ними происходят. Причем настолько нравиться, что они даже не хотят покидать Ред Клиф. Более длительное проживание здесь становится для них как бы знаком отличия”.

Более 1500 тинэйджеров прошли программу *РС*. Исследования, проведенные Сандерсоном, показали, что, по прошествии полугода после завершения программы, 80% бывших ее участников все еще функционируют на высоком уровне продуктивности (звучит странновато, но это – типично американский психологический термин. – *Е.Г.*) и самоконтроля, не снижая достигнутой ими планки, на которой они находились перед выпуском. Независимые исследования подтверждают его выводы. “Эти программы способствуют развитию детского чувства Я”, – утверждает доктор Кейт Рассел (университет Айдахо), завершающий всеобъемлющее исследование программ *wilderness therapy*. Судья Джексон из Юты согласен с ним: “Такие программы помогают детям понять, что существует последняя граница, за чертой которой начинается путь в никуда. И большинство из них теперь хорошо это осознают”.

...Раннее утро в отряде Гризли. Восход окрасил багрянцем неровные можжевельниковые заросли. Майк Петри, 23-летний инструктор, объявил о предстоящей церемонии присвоения наиболее продвинувшимся членам отряда новых имен. Участники группы и инструкторы расселись возле костра. Для получения своего “земного” имени выбран, благодаря его успехам, 16-летний Нед из Нью-Йорка. Он стоял за костром, остальные образовали полукруг напротив. Залитый светом костра, стоя на возвышении, он

начал декламировать стихи, поворачиваясь в разные стороны. Петри громко произнес старое имя подростка, а Бекка и Клеменс (два других инструктора) провели перед ним ножами символическую черту, означающую отделение старых, плохих частей личности Неда и появление пространства для новых черт. Петри объявил новое, “земное” имя парня – Клод Сикер (от *seek* – искать, стремиться. – Е.Г.) и произнес небольшую речь о том, почему это имя присвоено Неду, который на протяжении всей процедуры стоял, склонив голову и вжав подбородок в грудь, как будто хотел исчезнуть. Потом Петри спросил его: принял ли он свое новое имя? Тот кивнул. Петри стал впереди, держа “пававку”, небольшую кожаную медицинскую сумку, которую он шил у костра во время прошлой стоянки. Внутри он положил старый каменный наконечник – найденный им след 1700-х годов, когда Сиу населяли этот район южной Юты. Он повесил пававку на шею Неда и обнял его. Когда Нед поднял голову, по его лицу текли слезы. Затем он поднялся на близлежащий холм и выкрикнул свое новое имя на четыре стороны света.

Цель этой церемонии, как объяснял мне Петри у костра прошлой ночью, заключается в том, чтобы у подростка сложилась новая идентичность, которая могла бы служить для него убежищем, когда он вернется к своей прежней жизни с ее проблемами, недостатками, вредными влияниями и т.д.

После того, как я провел несколько дней среди ребят, выслушивая от них разные истории, я не мог не удивляться их родителям. “Вот что я тебе скажу, – говорил мне Стив Петерсен, когда мы беседовали с ним в полевом офисе. – Я бы забрал некоторых из них в пустыню на пару недель. Был здесь один папа, убежденный, что программа не работает, и поэтому сыну лучше вернуться домой. Я спросил, что склоняет его к такому решению, и он ответил: “Потому что парень украл мой запас марихуаны”. Другой отец однажды заявил мне, что не желает, чтобы запись о том, что сын находился в Ред Клиф, сохранилась в его документах. Причина? “Он будет президентом Соединенных Штатов!” Вот так, и не меньше!”

Департамент по делам несовершеннолетних штата Юта ежегодно выделяет Центру *RC* 500 000 долларов. Однако большая часть поступлений приходит от родителей частных учащихся, о поведении которых (родителей) и влиянии его на патологию детей в иных случаях можно написать тома. По прошествии нескольких дней после нападения на инструкторов и бегства в пустыню (беглецы были найдены, исключены и оштрафованы судом) один из беглецов позвонил в офис, требуя вернуть его одежду. Ему сказали, что некоторые вещи пока не найдены, но, возможно, они у поисковиков, использующих собак. Сразу после этого позвонил отец подростка, требуя возместить стоимость одежды. Родители другого грозили привлечь персонал *RC* за халатность, заявляя, что их сын – жертва, и в обязанности персонала входило охранять его от вредного влияния. По их мнению, ин-

структуры РС не смогли обеспечить безопасность ребенка во время как самого бегства, так и поисково-спасательной операции. “Поразительно, – удивлялся Петерсен. – Наверное, эти люди считают, что я только что свалился с дерева, и они меня засудят за присущее мне грубое обращение. А между тем, у их ребенка три привода за нападение и кражу!” Когда мы обсуждали ту же самую тему с Шиллом, он прокомментировал: “Иногда мы звоним им и просим приехать на церемонию выпуска, а они отвечают: “Не могли бы вы поддержать моего парня еще пару недель? Мы собираемся в отпуск””. Во время нашего разговора в проеме двери появилась девушка. Она была в весьма низко сидящих расклешенных штанах и блузке навыпуск. Она молча стояла со стеклянным выражением лица, теребя прядь светлых волос.

– Да? – наконец обратил на нее внимание Шилл. – Чем могу...?

– Вы меня помните? – отвечала та. – Я Джуди. Я была здесь в прошлом году.

– Возможно, – предположил Шилл. – Твой отец – врач. Да?

– С некоторых пор нет, – ответила девушка. – Он сейчас сидит за то, что трижды приложил меня об стену.

Повисло напряженное молчание.

– И... что привело тебя сюда?

– Мы с другом только что приехали сюда. Нонстопом. Он меня здесь оставил.

– Не хочешь ли ты вернуться в программу? – спросил Шилл в полной растерянности.

– Ну... нет. Я просто хотела посмотреть, взглянуть еще раз, как тут, что происходит. Может, я найду здесь работу? Вы, парни, говорили нам, что после окончания в случае чего мы можем вернуться и работать в программе.

– Это верно, – сказал Шилл, смущенно улыбаясь. – Ты хочешь, чтобы я разузнал, какова ситуация...

Джуди все еще слонялась у полевого офиса, когда я, собравшись, отправился в гостиницу в Седар Сити (близлежащий город, расположенный примерно в 30 милях от полевого офиса. – Е.Г.). Шилл на следующий день сказал мне, что вечером вернулся ее парень и забрал девушку домой.

Перед самым отъездом у меня появился шанс посмотреть выпускную церемонию (*run in ceremony*). Одним из выпускников был подросток из Северной Юты, которого в свое время местный суд “приговорил” к лечению дикой природой. Нас, родителей Даниэля и меня, привезли, казалось, в самый центр пустыни – в то место, где, по существу из “ниоткуда”, должен был появиться Даниэль. Мы вышли из грузовика и стали ждать на ярком пустынном солнце. Ветер поднимал вихри пыли в окружающих нас кустах. Я вспомнил разговор с Михаэлем из группы Койотов, ассом разжигания

костра, чей отец нанял эскорт для доставки сына в *РС*. Я задал ему вопрос: сейчас, уже пройдя программу, считает ли он наиболее подходящим для себя – поскорее забыть все, что здесь происходило, или опыт участия в программе заметно его изменил? Это был один из тех вопросов, которых 16-летний парень обычно хочет избежать. Но Михаэль смог “сконструировать” ответ: “Ну... Я вижу, каким безответственным я был. По отношению к отцу, к моей девушке. Я заставлял ее плакать, и совсем не заботился о ней”. Чувство абсолютной выдержки, с которым это говорилось, было красноречивее слов, оставляя впечатление, словно Михаэль был изменен пустыней в гораздо большей степени, нежели тем, что его сюда привело, – самой его бесцветной жизнью и сознанием собственной ответственности за то, что она приобрела такой характер. По-видимому, при всех своих возможных провалах, *РС* пробуждал у своих подопечных чувство реальности. Казалось, они полны решимости – начать жить по-другому, веря, что, вернувшись в родные края, по крайней мере, смогут теперь позаботиться о себе.

По радио пришло сообщение, что Даниэль готов совершить свой “прорыв”. Его родители двинулись по дороге вперед, готовясь к встрече. Утром, пока мы ехали, они сказали, что, хотя и взволнованы, но скептически относятся к возможности изменения сына. “Он – мастер манипуляций, – заявил отец. – Дает обещания, клянется, божится, а потом, как ничуть не бывало, сворачивает на прежний путь”.

Прошло еще некоторое время. Наконец, поодаль закрубилась пыль. Еще несколько минут, и из пыльной мглы возникла колеблющаяся в мареве фигура. Увидев родителей, Даниэль ускорил шаги. Он широко улыбался, когда бежал в материнские объятия. Выглядел парень жутковато, как молодой Мики Руни в “Boys Town”. Отец похлопывал его одной рукой по спине, обнимая другой плачущую жену. Мы забрались в грузовик. Дан с родителями сел позади. Они предложили поехать в Айдахо, чтобы держаться вдали от старых привычек. “Идет”, – был ответ. “Отлично”, – сказал отец, едва заметно ухмыльнувшись.

Прибыв в офис, Дан и еще один парень пошли на склад, чтобы забрать свои вещи, которые пролежали там больше двух месяцев. Мать направилась в администрацию, надо было заполнить необходимые бумаги. Мы с отцом ждали их снаружи. Дан вышел, положил свой рюкзак у ног отца и направился к одному из грузовиков на заднем дворе, вытащив оттуда нечто, показавшееся мне куском огромного плавника. “Это”, как тут же с гордостью сообщил Дан, он нашел более месяца назад. Инструктор обещал доставить находку в лагерь и сохранить до его возвращения. При ближайшем рассмотрении “плавник” оказался гладким, серым, суковатым стволом можжевельника, разветвляющимся наподобие оленьего рога. Дан несколько раз

переспросил отца, хочет ли он сохранить находку на память, но ответа не добился. Его юное лицо на мгновение погасло. Затем он взял себя в руки, забрал одежду и пошел прочь.